

К 100-летию со дня рождения А. А. Ахматовой

В ГОСТЯХ У АННЫ АХМАТОВОЙ

СРЕДИ моих старых бумаг есть пятнадцать пожеланных страничек с датой — 3.III.1961 г. Это раскаяние о первом знакомстве с Анной Андреевной Ахматовой, о том единственном вечере в моей жизни, когда я читала ей стихи и она читала стихи нам, пришедшим к ней в гости на улицу Красной Конницы — Лидии Яковлевны Гинзбург, Ирине Семеновне, Александру Кушнеру и мне. Потом были другие встречи — в Комарове, в Доме творчества или на даче, в «Буде» (кстати, я была убеждена, что название дано Анной Андреевной как цитата из Блока: «Потом вылезает из будок как псы...»), — сейчас уже не знаю, сама ли я это придумала или спросила у Анны Андреевны и усвоила ее ответ). Но мы уже ни разу не читали стихов — ни Анна Андреевна нам, ни мы ей. Отчасти это объясняется постоянным многолюдством вокруг нее, отчасти тем, что усложнялась ее глухота, и она теперь предпочитала, чтобы авторы оставляли ей рукописи. Впрочем, что значит — предпочитала? Она ей несли рукописи, а она снисходительно принимала их, чаще всего давала прочесть молодым поэтам из своего ближайшего окружения и потом говорила автору несколько вежливых фраз. Мы знали об этом, знали и о том, кому она даст рукописи на прочтение, знали и без нее их мнение о нашем направлении в поэзии — как, впрочем, и сами имели свое суждение об их направлении, в те поры невысокое.

«Мы» и «они» — это разные группы молодых ленинградских поэтов конца 1950-х — 1960-х годов. «Мы» — литературное объединение Горного института, которым руководил Глеб Сергеевич Семенов и куда входили не только студенты — горняки — В. Британинский, А. Городничий, Л. Глазкая, Л. Глебова, Л. Агеев, А. Витов, О. Тарутин, Э. Кутырев, Е. Кумпан, — но и приглашенные после конференции молодых писателей 1956 года Г. Горбовский, А. Кушнер и Я. Кушнер привел в ЛИТО Глеб Семенов, заявив со свойственной ему безошибочной уверенностью: «Кушнер вам нужен». А мою кандидатуру поставил на голосование: «Королевой нужны вы».

«Горняки» были в эти годы искателями правды, социальной и психологической, ставили перед собой вопросы о справедливом устройстве общества и гуманизме. В их стихах была сгущенная бытовая правда и афористичность политических формулировок. Жизненный лозунг, который в то время определялся для себя «горняки», — «На рублях, заработанного нечестной работой».

«Они» — или Поэты — Е. Рейн, А. Найман, Д. Бобышев — были студентами Технологического института, где выпускали блестящую по эрудиции газету «Культура». Они не касались вопросов социального строя и политики, писали о французском импрессионизме, театре Акимов, западном кино, Сезанне и «добром Уфлянде». За все это они были исключены из института, начальство которого полагало, что именно культура будущим химикам не нужна и опасна. Вскоре и Поэтам присоединился будущий лауреат Нобелевской премии, а тогда неприкаянно

одинокий в литературных кругах И. Бродский, упорно отторгаемый как плохими, так и хорошими людьми: его не приняла в свой кружок во Дворце пионеров Наталья Грудина, святой человек, подвижник, гражданинственности. От него отцежался в поэтическое вечер-турнире во Дворце культуры им. Горького Г. Семенов, расценив его чтение стихотворения «Еврейское кладбище» как провокацию и возможный повод для разгрома молодой ленинградской поэзии. На заседании секции поэзии в Союзе писателей безумно театральным смехом прервал выступление Иосифа Лев Кукин и демонстративно покинул комнату.

Были в то время в Ленинграде еще поэты университета и заводских ЛИТО, Политехнического института и Трудовых резервов — один тяготели к «горнякам», другие составляли ортодоксальную, официально признанную часть молодой поэзии. Были, наконец, «формалисты» — Л. Виноградов, М. Еремин, В. Уфлянд, Л. Лившиц. Поначалу они проявляли интерес ко всем направлениям и группам, прежде всего к университетскому ЛИТО, т. к. многие из них первоначально в университете учились. Но вскоре дружески объединились с Поэтами, а Горное ЛИТО было разогнано за выпуск второго «Горного сборника», который, по формулировке тогдашнего партийного начальства, «попал на фестиваль». В сборнике были найдены стихи со «скрытым антисоветским подтекстом», Г. Семенов отстранен от руководства ЛИТО, на его место был назначен Д. Левоневский, который, желая наладить контакт со строительными чужими учениками, предложил устроить встречу с любым известным нам ленинградским поэтом.

«Кого бы вы хотели пригласить?» — «Берггольц!» — ответили мы, не сговариваясь. Это было осенью 1957 года. Почему мы не ответили: «Ахматову»? А ведь она только жила, она еще почти десять лет будет жить с нами рядом, в одном городе! Не потому, что мы учили в школе постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» и доклад Жданова. Приглашение на ЛИТО Ахматову было так же непредставимо, как пригласить княгиню Трубецкую из декабристской эпохи в коммунальную квартиру или во двор-колодец, куда вывелись после революции (тема одного из сильнейших стихотворений Л. Агеева той поры).

Мы знали наизусть половину стихов из «Вечера», «Четок» и «Белой стаи», но истину об отчаянной неприкаянности годичного и неустроенного мира для нас открывала не Ахматова, а Марина Цветаева, Борис Слуцкий и Ольга Берггольц (последняя — не блокадных стихами, а стихами тюремными, исповедальными стихами о судьбе, погубленной настолью, что даже сохранить любовь человека уже не в силах...).

Итак, Д. Левоневский привел на занятия Горного ЛИТО Ольгу Берггольц. Правда, с ними пришли еще двое, которые представлялись нам как сотрудники редакций: Ольга Федоровна называла Левоневскую Димой, остальных двоих — Петей и Гошей, и никто не предпринял нас, что они представляют идеологическую комиссию обкома партии, инспектирующую Горное ЛИТО после того, как в котельной во дворе Горного

института криминальный второй выпуск «Горного сборника» был сожжен официальными лицами.

Мы прочитали для Ольги Федоровны «самое-самое». Она, сначала расервавшись и попытавшись слабо удержать нас словами: «Ребята, — не все же так мрачно!», — начала исключительное — называя нам о В. Корнилове и читая только его стихи из книги, которую она тогда готовила, — потом сорвалась, увлеклась, выдала тоже «самое-самое» вплоть до кружка в стене. И мы верили ей абсолютно, готовы были на все за нее и рядом с ней. Я написала ей стихи и, отыскав ее адрес, опустила в почтовый ящик, не доверяя почте. А между тем комиссия составила свое заключение, и Горное ЛИТО навеки перестало существовать.

Г. Семенов спросил при встрече Ольгу Федоровну: «Как вы могли так подвести ребят?». Она горячо сочувствовала нам и ответила: «Я потрясена, я не знала, что они сны, что они пойдут с доносом!». Она хотела кому-то «наверху» что-то доказать, чего-то потребовать, но к этому времени периоды ее тяжких и мрачных запоев учащались, она подолгу лежала в больницах и ей было не до нас...

А в это самое время Поэты — Евгений Рейн, а за ним Анатолий Найман, Дмитрий Бобышев и Иосиф Бродский — пришли к Анне Андреевне. «Пришли, чтобы навеки поселиться!», — как иронически-завистливо говорили мы. Поселиться в ее сердце, в неслучайном ленинградском б-те, ее ближайшем духовном окружении. Они переводили с нею вместе Лепопарди, дарили ей розы, посвящали стихи — и она писала стихи им в ответ. Место было занято. Место было отдано нами без боя. Г. Семенов спросил меня: «Ты знаешь, что Найман ходит к Анне Андреевне Ахматовой? Как это произошло?». Я ответила: «По моему, он просто открыл калитку и вошел». Глеб поднял одну бровь, посмотрел на меня искоса и произнес, отчеканивая каждое слово: «Я этого не сделал ни разу»...

Итак, пятнадцать страничек с датой — 3. III. 1961 г. Лидия Яковлевна Гинзбург позвонила мне вчера днем и сказала: «Ире Семенову удалось совершить чудо: она договорилась с Анной Андреевной, что мы к ней приведем вас и Кушнера сегодня-завтра». И мы пошли.

Почему «удалось совершить чудо»? Пройдет буквально год или два, и толпа поэтов, иностранцев, диссертантов и почитателей вокруг Анны Андреевны станет явлением постоянным. Начало 1961 года было рубежом между предшествующим периодом гордой замкнутости для посторонних и последующей внешней открытостью. Книга стихов 1961 года вот-вот выйдет, но еще не вышла, еще не хлынул поток рецензий, интервью и читательских писем. Но перемена уже ощущается, особенно в Москве, где Анна Андреевна провела очередную зиму и откуда только что приехала. Она полна московских литературных новостей, замыслов, новых работ Пушкина, написала новые стихи, внесла очередные поправки в «Поэму без героя». Она рада видеть Л. Я. Гинзбург, с которой знакома без малого тридцать лет.

Из моих разговоров с Л. Я. Гинзбург: «Лидия Яковлевна, Анна Андреевна была на вашей защите?» — «На кайди-

датской? Нет. Но когда я вернулась домой, а защита была долгой, Анна Андреевна сидела в моей комнате в кресле, нога на ногу, как на портрете Альмана, а на столе стояла бутылка шампанского».

— Лидия Яковлевна, а что с этим рисунком? — Нет, это скорее непонятно: что за аудитория, что за молодежь... Они, наверное, читали статьи о письмах Маяковского, что нельзя было эти письма публиковать, и поверили. Но это ужасно: поэту надо задумываться, достойны ли его объекты? Достойна ли Анна Керн «чуждого мгновенья»? А Сабаньская вообще оказалась шишкой Бенкендорфа и писала про Пушкина доносы. Если так, получается, что переписку великих людей и публиковать нельзя! Это чудовищно.

— Что же это было? Вечер? Турнир? — Нет, это что-то в библиотеке.

— Читательская конференция? — Да, это все молодые поэты? Почитаем! Это все — нас было двое, Кушнер и я. Она глуховата, поэтому стул был поставлен с нею рядом, и мы несколько прокрикивали свои стихи. Первой читала я. Начала с последнего тогда написанного: «Я думаю о смерти. Иногда». Анна Андреевна: «Пожалуйста, пожайте...».

Анна Андреевна большая, дружелюбно приветливая, а чем-то темном. И еще я отмечаю прекрасную свежую кожу, свежести которой ничуть не мешают морщины. Разговор начался, пока мы усаживались, пока я ее разглядывала, так что начала не помню. Вслушиваясь, когда речь уже идет о том, как говорят по-русски иноземцы: грузины — ужасно, армяне, выросшие в Москве, — превосходно, но лучше всех корейцы. Один кореец жил во дворе Анны Андреевны, и она однажды слышала великолепную перебранку его с соседкой у колонки с водой — это был превосходный русский язык. «Штабс-капитан Рубинков был корейцем, Куприн этого просто не знал», — доверительно сообщает нам Анна Андреевна. И — Лидия Яковлевна с улыбкой.

Я решила оставить пушкинизм. Там такие отношения... — Но они же хотят вас печатать? — Они — хотят. — Тогда отношения вас не коснутся.

Лидия Яковлевна, я хочу подслать к вам одного мальчика. Он принес мне роман... — Плохой роман? — Плохой. И не могу же я читать романы... Мгновенно вспомнив о романе «Палочка за себя», написанном Найманом, я спрашиваю: «Это не Найман?». Анна Андреевна засмеялась.

Этот мальчик никому не известен, он ростовец. У меня стелено от сердца. Лидия Яковлевна: — Отдайте лучше Максиму.

Нет, он невозможен. Он скажет, он умеет так сказать правду. Он уже так сказал однажды французке — про еше книжку о Блоке — она после этого отказалась посетить меня в Москве. Она, конечно, делает чудовищные вещи: например, объявляла, что Дельмас цыганка, когда мы все знали, что она... И все эти вещи, кому посвящено то, кому другое... Да, вы знаете, что мне рассказывал? Он проводил какое-то чтение молодых поэтов, посвященное Маяковскому, и кто-то хотел прочесть стихотворение Маяковского «Лилич-

ке». Аудитория закричала: «Не хотим, чтобы читались стихи, посвященные недостойной женщине!». Как вам это понравится?

Ира Семенов сказала: «Это замечательно!». Лидия Яковлевна покачала головой. Анна Андреевна возразила:

— Нет, это скорее непонятно: что за аудитория, что за молодежь... Они, наверное, читали статьи о письмах Маяковского, что нельзя было эти письма публиковать, и поверили. Но это ужасно: поэту надо задумываться, достойны ли его объекты? Достойна ли Анна Керн «чуждого мгновенья»? А Сабаньская вообще оказалась шишкой Бенкендорфа и писала про Пушкина доносы. Если так, получается, что переписку великих людей и публиковать нельзя! Это чудовищно.

— Что же это было? Вечер? Турнир? — Нет, это что-то в библиотеке.

— Читательская конференция? — Да, это все молодые поэты? Почитаем! Это все — нас было двое, Кушнер и я. Она глуховата, поэтому стул был поставлен с нею рядом, и мы несколько прокрикивали свои стихи. Первой читала я. Начала с последнего тогда написанного: «Я думаю о смерти. Иногда». Анна Андреевна: «Пожалуйста, пожайте...».

Анна Андреевна большая, дружелюбно приветливая, а чем-то темном. И еще я отмечаю прекрасную свежую кожу, свежести которой ничуть не мешают морщины. Разговор начался, пока мы усаживались, пока я ее разглядывала, так что начала не помню. Вслушиваясь, когда речь уже идет о том, как говорят по-русски иноземцы: грузины — ужасно, армяне, выросшие в Москве, — превосходно, но лучше всех корейцы. Один кореец жил во дворе Анны Андреевны, и она однажды слышала великолепную перебранку его с соседкой у колонки с водой — это был превосходный русский язык. «Штабс-капитан Рубинков был корейцем, Куприн этого просто не знал», — доверительно сообщает нам Анна Андреевна. И — Лидия Яковлевна с улыбкой.

Я решила оставить пушкинизм. Там такие отношения... — Но они же хотят вас печатать? — Они — хотят. — Тогда отношения вас не коснутся.

Лидия Яковлевна, я хочу подслать к вам одного мальчика. Он принес мне роман... — Плохой роман? — Плохой. И не могу же я читать романы... Мгновенно вспомнив о романе «Палочка за себя», написанном Найманом, я спрашиваю: «Это не Найман?». Анна Андреевна засмеялась.

Этот мальчик никому не известен, он ростовец. У меня стелено от сердца. Лидия Яковлевна: — Отдайте лучше Максиму.

Нет, он невозможен. Он скажет, он умеет так сказать правду. Он уже так сказал однажды французке — про еше книжку о Блоке — она после этого отказалась посетить меня в Москве. Она, конечно, делает чудовищные вещи: например, объявляла, что Дельмас цыганка, когда мы все знали, что она... И все эти вещи, кому посвящено то, кому другое... Да, вы знаете, что мне рассказывал? Он проводил какое-то чтение молодых поэтов, посвященное Маяковскому, и кто-то хотел прочесть стихотворение Маяковского «Лилич-

ке». Аудитория закричала: «Не хотим, чтобы читались стихи, посвященные недостойной женщине!». Как вам это понравится?

Ира Семенов сказала: «Это замечательно!». Лидия Яковлевна покачала головой. Анна Андреевна возразила:

— Нет, это скорее непонятно: что за аудитория, что за молодежь... Они, наверное, читали статьи о письмах Маяковского, что нельзя было эти письма публиковать, и поверили. Но это ужасно: поэту надо задумываться, достойны ли его объекты? Достойна ли Анна Керн «чуждого мгновенья»? А Сабаньская вообще оказалась шишкой Бенкендорфа и писала про Пушкина доносы. Если так, получается, что переписку великих людей и публиковать нельзя! Это чудовищно.

— Что же это было? Вечер? Турнир? — Нет, это что-то в библиотеке.

— Читательская конференция? — Да, это все молодые поэты? Почитаем! Это все — нас было двое, Кушнер и я. Она глуховата, поэтому стул был поставлен с нею рядом, и мы несколько прокрикивали свои стихи. Первой читала я. Начала с последнего тогда написанного: «Я думаю о смерти. Иногда». Анна Андреевна: «Пожалуйста, пожайте...».

Анна Андреевна большая, дружелюбно приветливая, а чем-то темном. И еще я отмечаю прекрасную свежую кожу, свежести которой ничуть не мешают морщины. Разговор начался, пока мы усаживались, пока я ее разглядывала, так что начала не помню. Вслушиваясь, когда речь уже идет о том, как говорят по-русски иноземцы: грузины — ужасно, армяне, выросшие в Москве, — превосходно, но лучше всех корейцы. Один кореец жил во дворе Анны Андреевны, и она однажды слышала великолепную перебранку его с соседкой у колонки с водой — это был превосходный русский язык. «Штабс-капитан Рубинков был корейцем, Куприн этого просто не знал», — доверительно сообщает нам Анна Андреевна. И — Лидия Яковлевна с улыбкой.

Я решила оставить пушкинизм. Там такие отношения... — Но они же хотят вас печатать? — Они — хотят. — Тогда отношения вас не коснутся.

Лидия Яковлевна, я хочу подслать к вам одного мальчика. Он принес мне роман... — Плохой роман? — Плохой. И не могу же я читать романы... Мгновенно вспомнив о романе «Палочка за себя», написанном Найманом, я спрашиваю: «Это не Найман?». Анна Андреевна засмеялась.

Этот мальчик никому не известен, он ростовец. У меня стелено от сердца. Лидия Яковлевна: — Отдайте лучше Максиму.

Нет, он невозможен. Он скажет, он умеет так сказать правду. Он уже так сказал однажды французке — про еше книжку о Блоке — она после этого отказалась посетить меня в Москве. Она, конечно, делает чудовищные вещи: например, объявляла, что Дельмас цыганка, когда мы все знали, что она... И все эти вещи, кому посвящено то, кому другое... Да, вы знаете, что мне рассказывал? Он проводил какое-то чтение молодых поэтов, посвященное Маяковскому, и кто-то хотел прочесть стихотворение Маяковского «Лилич-

ке». Аудитория закричала: «Не хотим, чтобы читались стихи, посвященные недостойной женщине!». Как вам это понравится?

Ира Семенов сказала: «Это замечательно!». Лидия Яковлевна покачала головой. Анна Андреевна возразила:

— Нет, это скорее непонятно: что за аудитория, что за молодежь... Они, наверное, читали статьи о письмах Маяковского, что нельзя было эти письма публиковать, и поверили. Но это ужасно: поэту надо задумываться, достойны ли его объекты? Достойна ли Анна Керн «чуждого мгновенья»? А Сабаньская вообще оказалась шишкой Бенкендорфа и писала про Пушкина доносы. Если так, получается, что переписку великих людей и публиковать нельзя! Это чудовищно.

— Что же это было? Вечер? Турнир? — Нет, это что-то в библиотеке.

— Читательская конференция? — Да, это все молодые поэты? Почитаем! Это все — нас было двое, Кушнер и я. Она глуховата, поэтому стул был поставлен с нею рядом, и мы несколько прокрикивали свои стихи. Первой читала я. Начала с последнего тогда написанного: «Я думаю о смерти. Иногда». Анна Андреевна: «Пожалуйста, пожайте...».

Анна Андреевна большая, дружелюбно приветливая, а чем-то темном. И еще я отмечаю прекрасную свежую кожу, свежести которой ничуть не мешают морщины. Разговор начался, пока мы усаживались, пока я ее разглядывала, так что начала не помню. Вслушиваясь, когда речь уже идет о том, как говорят по-русски иноземцы: грузины — ужасно, армяне, выросшие в Москве, — превосходно, но лучше всех корейцы. Один кореец жил во дворе Анны Андреевны, и она однажды слышала великолепную перебранку его с соседкой у колонки с водой — это был превосходный русский язык. «Штабс-капитан Рубинков был корейцем, Куприн этого просто не знал», — доверительно сообщает нам Анна Андреевна. И — Лидия Яковлевна с улыбкой.

Я решила оставить пушкинизм. Там такие отношения... — Но они же хотят вас печатать? — Они — хотят. — Тогда отношения вас не коснутся.

Лидия Яковлевна, я хочу подслать к вам одного мальчика. Он принес мне роман... — Плохой роман? — Плохой. И не могу же я читать романы... Мгновенно вспомнив о романе «Палочка за себя», написанном Найманом, я спрашиваю: «Это не Найман?». Анна Андреевна засмеялась.

Этот мальчик никому не известен, он ростовец. У меня стелено от сердца. Лидия Яковлевна: — Отдайте лучше Максиму.

Нет, он невозможен. Он скажет, он умеет так сказать правду. Он уже так сказал однажды французке — про еше книжку о Блоке — она после этого отказалась посетить меня в Москве. Она, конечно, делает чудовищные вещи: например, объявляла, что Дельмас цыганка, когда мы все знали, что она... И все эти вещи, кому посвящено то, кому другое... Да, вы знаете, что мне рассказывал? Он проводил какое-то чтение молодых поэтов, посвященное Маяковскому, и кто-то хотел прочесть стихотворение Маяковского «Лилич-

ке». Аудитория закричала: «Не хотим, чтобы читались стихи, посвященные недостойной женщине!». Как вам это понравится?

Ира Семенов сказала: «Это замечательно!». Лидия Яковлевна покачала головой. Анна Андреевна возразила:

— Нет, это скорее непонятно: что за аудитория, что за молодежь... Они, наверное, читали статьи о письмах Маяковского, что нельзя было эти письма публиковать, и поверили. Но это ужасно: поэту надо задумываться, достойны ли его объекты? Достойна ли Анна Керн «чуждого мгновенья»? А Сабаньская вообще оказалась шишкой Бенкендорфа и писала про Пушкина доносы. Если так, получается, что переписку великих людей и публиковать нельзя! Это чудовищно.

— Что же это было? Вечер? Турнир? — Нет, это что-то в библиотеке.

— Читательская конференция? — Да, это все молодые поэты? Почитаем! Это все — нас было двое, Кушнер и я. Она глуховата, поэтому стул был поставлен с нею рядом, и мы несколько прокрикивали свои стихи. Первой читала я. Начала с последнего тогда написанного: «Я думаю о смерти. Иногда». Анна Андреевна: «Пожалуйста, пожайте...».

Анна Андреевна большая, дружелюбно приветливая, а чем-то темном. И еще я отмечаю прекрасную свежую кожу, свежести которой ничуть не мешают морщины. Разговор начался, пока мы усаживались, пока я ее разглядывала, так что начала не помню. Вслушиваясь, когда речь уже идет о том, как говорят по-русски иноземцы: грузины — ужасно, армяне, выросшие в Москве, — превосходно, но лучше всех корейцы. Один кореец жил во дворе Анны Андреевны, и она однажды слышала великолепную перебранку его с соседкой у колонки с водой — это был превосходный русский язык. «Штабс-капитан Рубинков был корейцем, Куприн этого просто не знал», — доверительно сообщает нам Анна Андреевна. И — Лидия Яковлевна с улыбкой.

Я решила оставить пушкинизм. Там такие отношения... — Но они же хотят вас печатать? — Они — хотят. — Тогда отношения вас не коснутся.

Лидия Яковлевна, я хочу подслать к вам одного мальчика. Он принес мне роман... — Плохой роман? — Плохой. И не могу же я читать романы... Мгновенно вспомнив о романе «Палочка за себя», написанном Найманом, я спрашиваю: «Это не Найман?». Анна Андреевна засмеялась.

Этот мальчик никому не известен, он ростовец. У меня стелено от сердца. Лидия Яковлевна: — Отдайте лучше Максиму.

Нет, он невозможен. Он скажет, он умеет так сказать правду. Он уже так сказал однажды французке — про еше книжку о Блоке — она после этого отказалась посетить меня в Москве. Она, конечно, делает чудовищные вещи: например, объявляла, что Дельмас цыганка, когда мы все знали, что она... И все эти вещи, кому посвящено то, кому другое... Да, вы знаете, что мне рассказывал? Он проводил какое-то чтение молодых поэтов, посвященное Маяковскому, и кто-то хотел прочесть стихотворение Маяковского «Лилич-

ке». Аудитория закричала: «Не хотим, чтобы читались стихи, посвященные недостойной женщине!». Как вам это понравится?

Ира Семенов сказала: «Это замечательно!». Лидия Яковлевна покачала головой. Анна Андреевна возразила:

— Нет, это скорее непонятно: что за аудитория, что за молодежь... Они, наверное, читали статьи о письмах Маяковского, что нельзя было эти письма публиковать, и поверили. Но это ужасно: поэту надо задумываться, достойны ли его объекты? Достойна ли Анна Керн «чуждого мгновенья»? А Сабаньская вообще оказалась шишкой Бенкендорфа и писала про Пушкина доносы. Если так, получается, что переписку великих людей и публиковать нельзя! Это чудовищно.

— Что же это было? Вечер? Турнир? — Нет, это что-то в библиотеке.

— Читательская конференция? — Да, это все молодые поэты? Почитаем! Это все — нас было двое, Кушнер и я. Она глуховата, поэтому стул был поставлен с нею рядом, и мы несколько прокрикивали свои стихи. Первой читала я. Начала с последнего тогда написанного: «Я думаю о смерти. Иногда». Анна Андреевна: «Пожалуйста, пожайте...».

Анна Андреевна большая, дружелюбно приветливая, а чем-то темном. И еще я отмечаю прекрасную свежую кожу, свежести которой ничуть не мешают морщины. Разговор начался, пока мы усаживались, пока я ее разглядывала, так что начала не помню. Вслушиваясь, когда речь уже идет о том, как говорят по-русски иноземцы: грузины — ужасно, армяне, выросшие в Москве, — превосходно, но лучше всех корейцы. Один кореец жил во дворе Анны Андреевны, и она однажды слышала великолепную перебранку его с соседкой у колонки с водой — это был превосходный русский язык. «Штабс-капитан Рубинков был корейцем, Куприн этого просто не знал», — доверительно сообщает нам Анна Андреевна. И — Лидия Яковлевна с улыбкой.

Я решила оставить пушкинизм. Там такие отношения... — Но они же хотят вас печатать? — Они — хотят. — Тогда отношения вас не коснутся.

Лидия Яковлевна, я хочу подслать к вам одного мальчика. Он принес мне роман... — Плохой роман? — Плохой. И не могу же я читать романы... Мгновенно вспомнив о романе «Палочка за себя», написанном Найманом, я спрашиваю: «Это не Найман?». Анна Андреевна засмеялась.

Этот мальчик никому не известен, он ростовец. У меня стелено от сердца. Лидия Яковлевна: — Отдайте лучше Максиму.

Нет, он невозможен. Он скажет, он умеет так сказать правду. Он уже так сказал однажды французке — про еше книжку о Блоке — она после этого отказалась посетить меня в Москве. Она, конечно, делает чудовищные вещи: например, объявляла, что Дельмас цыганка, когда мы все знали, что она... И все эти вещи, кому посвящено то, кому другое... Да, вы знаете, что мне рассказывал? Он проводил какое-то чтение молодых поэтов, посвященное Маяковскому, и кто-то хотел прочесть стихотворение Маяковского «Лилич-

ке». Аудитория закричала: «Не хотим, чтобы читались стихи, посвященные недостойной женщине!». Как вам это понравится?

Ира Семенов сказала: «Это замечательно!». Лидия Яковлевна покачала головой. Анна Андреевна возразила:

— Нет, это скорее непонятно: что за аудитория, что за молодежь... Они, наверное, читали статьи о письмах Маяковского, что нельзя было эти письма публиковать, и поверили. Но это ужасно: поэту надо задумываться, достойны ли его объекты? Достойна ли Анна Керн «чуждого мгновенья»? А Сабаньская вообще оказалась шишкой Бенкендорфа и писала про Пушкина доносы. Если так, получается, что переписку великих людей и публиковать нельзя! Это чудовищно.

— Что же это было? Вечер? Турнир? — Нет, это что-то в библиотеке.

— Читательская конференция? — Да, это все молодые поэты? Почитаем! Это все — нас было двое, Кушнер и я. Она глуховата, поэтому стул был поставлен с нею рядом, и мы несколько прокрикивали свои стихи. Первой читала я. Начала с последнего тогда написанного: «Я думаю о смерти. Иногда». Анна Андреевна: «Пожалуйста, пожайте...».

Анна Андреевна большая, дружелюбно приветливая, а чем-то темном. И еще я отмечаю прекрасную свежую кожу, свежести которой ничуть не мешают морщины. Разговор начался, пока мы усаживались, пока я ее разглядывала, так что начала не помню. Вслушиваясь, когда речь уже идет о том, как говорят по-русски иноземцы: грузины — ужасно, армяне, выросшие в Москве, — превосходно, но лучше всех корейцы. Один кореец жил во дворе Анны Андреевны, и она однажды слышала великолепную перебранку его с соседкой у колонки с водой — это был превосходный русский язык. «Штабс-капитан Рубинков был корейцем, Куприн этого просто не знал», — доверительно сообщает нам Анна Андреевна. И — Лидия Яковлевна с улыбкой.

Я решила оставить пушкинизм. Там такие отношения... — Но они же хотят вас печатать? — Они — хотят. — Тогда отношения вас не коснутся.

Лидия Яковлевна, я хочу подслать к вам одного мальчика. Он принес мне роман... — Плохой роман? — Плохой. И не могу же я читать романы... Мгновенно вспомнив о романе «Палочка за себя», написанном Найманом, я спрашиваю: «Это не Найман?». Анна Андреевна засмеялась.

Этот мальчик никому не известен, он ростовец. У меня стелено от сердца. Лидия Яковлевна: — Отдайте лучше Максиму.

Нет, он невозможен. Он скажет, он умеет так сказать правду. Он уже так сказал однажды французке — про еше книжку о Блоке — она после этого отказалась посетить меня в Москве. Она, конечно, делает чудовищные вещи: например, объявляла, что Дельмас цыганка, когда мы все знали, что она... И все эти вещи, кому посвящено то, кому другое... Да, вы знаете, что мне рассказывал? Он проводил какое-то чтение молодых поэтов, посвященное Маяковскому, и кто-то хотел прочесть стихотворение Маяковского «Лилич-

Забудут? — вот чем меня забывали сто раз, Сто раз я лежала в Где, может быть, я и сейчас.

А Муза и глохла и сплела, В земле истлевала зерном, Чтоб после, как Феникс из пепла, В эфире восстать голубом.

пустить Дантесу и Геккерю через Полетику в противовес облетевшей обшество фразе Пушкина, что Дантес женился на сестре Натали под дулом пистолета. Что не мог Пушкин влюбиться и тем более совратить некрасную, доверенную его работам своеячицу, но так как в эти годы у него не было связей и любовниц, то Александринна была удобной мишенью, ибо жила в его доме. Лидия Яковлевна признала эти рассуждения убедительными.

Кажется, все. На прошлуне Анна Андреевна очень тепло пожелала нам успехов в пути. В этот момент она была усталой доброй старухой, от которой уходит гости. Она сказала нам: «Если вы оба еще захотите почтить мне, приходите, я буду рада».

В ПОСЛЕДУЮЩИЕ годы я была у Анны Андреевны еще несколько раз, приезжая в Комарово с Лидией Яковлевной или с мужем. Ни разу мы не заставали ее одну, разговор был шумным, и блистал остроумием, Анна Андреевна весело отвечала на вопросы. Например: как она относится к поэзии Евтушенко и Вознесенского? — «Мне не очень нравится эстрадная поэзия, но, видно, сейчас это нужно, они собирают огромные аудитории, целые стадионы, Лужники. Мы с Колей никак не смогли бы собрать Лужники. Впрочем, нам бы это и в голову не пришло!» А как она относится к женской поэзии? — «Поэзия не делится на мужскую и женскую. Прекрасный поэт Мария Петровых.